

Максим Горький

Н. А. Бугров

Заметки из дневника. Воспоминания

Максим Горький

Н. А. Бугров

«Public Domain»

1923

Горький М.

Н. А. Бугров / М. Горький — «Public Domain», 1923 — (Заметки из дневника. Воспоминания)

«...В 1901 году, выпустив меня из тюрьмы, начальство применило ко мне очень смешную меру «предупреждения и пресечения преступлений» – домашний арест. В кухню моей квартиры посадили полицейского, в прихожую – другого, и я мог выходить на улицу только в сопровождении одного из них...»

Максим Горький Н. А. Бугров

...В 1901 году, выпустив меня из тюрьмы, начальство применило ко мне очень смешную меру «предупреждения и пресечения преступлений» – домашний арест. В кухню моей квартиры посадили полицейского, в прихожую – другого, и я мог выходить на улицу только в сопровождении одного из них.

Кухонный страж помогал кухарке носить дрова, чистить овощи, мыть посуду; страж прихожей открывал двери посетителям, раздевал их, подавал галоши, а когда у меня никого не было, он, заткнув неуклюжей фигурой своей дверь в мою комнату, спрашивал бабьим голосом:

– Господин Горьков, – извините! – как же это? Говорится: небеса, небесный, а – вдруг: бес основания? Какое же основание? Основание грехов наших?

Изрытое оспой лицо солдата украшал тупой нос, дряблый, как губка, под носом торчали кустики чёрной шерсти, раковина его левого уха была разорвана поперёк, левый глаз косил, забегая в сторону уха.

– Люблю читать жития священикомучеников, – говорил он тонким голосом и почему-то виноватым тоном. – Необыкновенные слова там попадают...

И конфузливо спрашивал:

– А – извините! – непброчный значит непоротый? Примерно: непброчная дева?

Наскоро объяснив ему различие между поркой и пороком, я просил:

– Вы, пожалуйста, не мешайте мне.

– Хорошо, – благосклонно говорил он. – Ничего, пишите...

И через пять, десять минут снова звучал раздражающий голосок:

– А – извините меня...

Однажды, часов в семь утра, я был разбужен его словами:

– Спит ещё, на свету лег...

Чей-то другой голос спросил:

– И ночью сторожишь?

– А как же? По ночам они и действуют...

– Буди. Скажи – Зарубин пришёл.

Через четверть часа предо мною сидел, кашляя и задыхаясь, старик Зарубин, тяжёлая голова его тряслась, он отирал бороду клетчатым платком и, глядя в лицо мне выцветшими глазами, сипло говорил:

– Знакомиться с личностью твоей пришёл. Хотел я в тюрьму к тебе придти, – прокуро-ришко не пустил.

– Зачем это нужно было вам?

Он хитроумно подмигнул мне:

– Надобно их тревожить, владык наших, воевод этих! Они думают – нет сопротивления им в делах беззаконных. А я вот показываю: врёте, есть сопротивление!

Оглядел комнату прищуренными, красными глазами кролика.

– Не богато однако живёшь, скудно. А слух идёт – большие деньги даны тебе иностранцами за книгу Гордеева, за позор купечества нашего. Ну, всё-таки книга, стоящая внимания; хоша и сочинение – а правда есть! Читают её согласно; верно, говорят, списал, народ мы – такой! Яков Башкиров хвастает: «Маякин – это я! С меня списано, вот глядите, каков я есть умный». Бугров даже читал, Николай Александров. «Книжка, говорит, для нас действительно горькая!» Я ведь вроде как бы от него и пришёл: почёт тебе! Не верит он, что ты из простых, даже будто из босяков, хочет самолично поглядеть на тебя. Одевайся, едем к нему чай пить.

Ехать к Бугрову я отказался, это очень рассердило старика, он тяжело встал со стула, мотая трясущейся головой и брызгая слюной.

– Гордость твоя – глупая! Бугров не грешнее таких, какой ты есть. А что из дома выходить без полицейского не велено тебе, так ему, Бугрову, наплевать густо на законы и запреты ваши.

И, не простясь, старик ушёл, сердито шаркая ногами. Провожая его, полицейский спросил:

– Несогласие обнаружено?

Зарубин крикнул на него:

– А ты – молчи!..

Миллионер, крупный торговец хлебом, владелец паровых мельниц, десятка пароходов, флотилии барж, огромных лесов, – Н. А. Бугров играл в Нижнем и губернии роль удельного князя.

Старообрядец «беспоповского согласия», он выстроил в поле, в версте расстояния от Нижнего, обширное кладбище, обнесённое высокой, кирпичной оградой, на кладбище – церковь и «скит», – а деревенских мужиков наказывали годом тюрьмы по 103 статье «Уложения о наказаниях уголовных» за то, что они устраивали в избах у себя тайные «молельни». В селе Поповке Бугров возвёл огромное здание, богадельню для старообрядцев, – было широко известно, что в этой богадельне воспитываются сектанты-«начётники». Он открыто поддерживал тайные сектантские скиты в лесах Керженца и на Иргизе и вообще являлся не только деятельным защитником сектантства, но и крепким столпом, на который опиралось «древнее благочестие» Поволжья, Приуралья и даже некоторой части Сибири.

Глава государственной церкви, нигилист и циник Константин Победоносцев, писал – кажется в 1901 году – доклад царю о враждебной, антицерковной деятельности Бугрова, но это не мешало миллионеру упрямо делать своё дело. Он говорил «ты» взбалмошному губернатору Баранову, и я видел, как он, в 96 году, на всероссийской выставке, дружески хлопал по животу Витте и, топая ногою, кричал на министра двора Воронцова.

Был он щедрым филантропом: выстроил в Нижнем хороший ночлежный дом, огромное, на 300 квартир, здание для вдов и сирот, прекрасно оборудовал в нём школу, устроил городской водопровод, выстроил и подарил городу здание для городской думы, делал земству подарки лесом для сельских школ и вообще не жалел денег на дела «благотворения».

Дед мой сказывал мне, что отец Бугрова «разжился» фабрикацией фальшивых денег, но дед обо всех крупных купцах города говорил как о фальшивомонетчиках, грабителях и убийцах. Это не мешало ему относиться к ним с уважением и даже с восторгом. Из его эпических повестей можно было сделать такой вывод: если преступление не удалось – тогда это преступление, достойное кары; если же оно ловко скрыто – это удача, достойная хвалы.

Говорили, что Мельников-Печерский [в] «В лесах» под именем Максима Потапова изобразил отца Бугрова; я так много слышал плохого о людях, что мне было легче верить Мельникову, а не деду. О Николае Бугрове рассказывали, что он вдвое увеличил миллионы отца на самарском голоде начала восьмидесятых годов.

Обширные дела свои Бугров вёл сам, единолично, таская векселя и разные бумаги в кармане поддевки. Его уговорили завести контору, взять бухгалтера; он снял помещение для конторы, богато и солидно обставил его, пригласил из Москвы бухгалтера, но никаких дел и бумаг конторе не передал, а на предложение бухгалтера составить инвентарь имущества задумчиво сказал, почёсывая скулу:

– Это – большое дело! Имущества у меня много, считать его – долго!

Просидев месяца три в пустой конторе без дела, бухгалтер заявил, что он не хочет получать деньги даром и просит отпустить его.

– Извини, брат! – сказал Бугров. – Нет у меня времени конторой заниматься, лишняя она обуза мне. У меня контора вся тут.

И, усмехаясь, он хлопнул себя ладонью по карману и по лбу.

Я часто встречал этого человека на торговых улицах города: большой, грузный, в длинном сюртуке, похожем ни поддевку, в ярко начищенных сапогах и в суконном картузе, он шёл тяжёлой походкой, засунув руки в карманы, шёл встречу людям, как будто не видя их, а они уступали дорогу ему не только с уважением, но почти со страхом. На его красноватых скулах бессильно разрослась серенькая бородка мордвина, прямые, редкие волосы её, не скрывающая маленьких ушей, с приросшими мочками, и морщин на шее, на щеках, вытягивали тупой подбородок, смешно удлинняя его. Лицо – неясное, незаконченное, в нём нет ни одной черты, которая, резко бросаясь в глаза, навсегда оставалась бы в памяти. Такие неуловимые, как бы нарочито стёртые, безглазые лица часто встречаются у людей верхнего и среднего Поволжья, – под скучной, неопределённой маской эти люди ловко скрывают свой хитрый ум, здравый смысл и странную, ничем необъяснимую жестокость.

Каждый раз, встречая Бугрова, я испытывал волнующее, двойственное чувство – напряжённое любопытство сочеталось в нём с инстинктивной враждой. Почти всегда я принуждал себя вспоминать «добрые дела» этого человека, и всегда являлась у меня мысль:

«Странно, что в одном и том же городе, на узенькой полоске земли могут встречаться люди столь решительно чуждые друг другу, как чужды я и этот „воротило“».

Мне сообщили, что будто, прочитав мою книжку «Фома Гордеев», Бугров оценил меня так:

– Это – вредный сочинитель, книжка против нашего сословия написана. Таких – в Сибирь ссылать, подальше, на самый край...

Но моя вражда к Бугрову возникла за несколько лет раньше этой оценки; её воспитал ряд таких фактов: человек этот брал у бедняков родителей дочь, жил с нею, пока она не надоела ему, а потом выдавал её замуж за одного из сотен своих служащих или рабочих, снабжая приданым в три, пять тысяч рублей, и обязательно строил молодожёнам маленький, в три окна, домик, ярко окрашенный, крытый железом. В Сейме, где у Бугрова была огромная паровая мельница, такие домики торчали на всех улицах. Новенькие, уютные, с цветами и кисейными занавесками на окнах, с зелёными или голубыми ставнями, они нахально дразнили людей яркостью своих красок и как бы нарочито подчёркнутым однообразием форм. Вероятно, эти домики, возбуждая воображение и жадность, очень способствовали развитию торговли девичьим телом.

Забава миллионера была широко известна, – на окраинах города и в деревнях девицы и парни распевали унылую песню:

Наверно, ты Бугрова любишь,
Бугрову сердце отдала;
Бугрову ты верна не будешь,
А мне – по гроб страдать дала!

На одной из таких «испробованных девиц» женился мой знакомый машинист, тридцатилетний вдовец, охотник по птице и птицелов, автор очень хорошего рассказа о жизни пернатых хищников, напечатанного, кажется, в журнале «Природа и охота».

Хороший, честный человек, он так объяснял мотивы женитьбы:

– Жалко девушку, обижена, а – хорошая девушка! Не скрою: за ней четыре тысячи приданого и домик. Это – меня подкупает. Буду жить тихо, учиться начну, писать...

Через несколько месяцев он начал пить, а на масленице был избит в пьяной драке и вскоре помер. Незадолго перед этим он прислал мне рукопись рассказа о хитростях лисы в её охоте за лесной птицей, – помню, рассказ был начат так:

«Ярко и празднично одет осенний лес, а дышит он унынием и гнилью».

Ко мне пришла женщина, возбуждённая почти до безумия, и сказала: её близкий друг заболел в далёкой ссылке, у Полярного круга. Она должна немедленно ехать к нему, нужны деньги. Я знал, что речь идёт о человеке недюжинном, но у меня не было крупной суммы, нужной на поездку к нему.

Я пошёл к чудаковатому богачу Митрофану Рукавишникову; этот маленький, горбатый человечек жил, – как Дезэссент, герой романа Гюйсманса, – выдуманной жизнью, считая её очень утончённой и красивой: он ложился спать утром, вставал вечером, к нему ночами приходили друзья: директор гимназии, учитель института благородных девиц, чиновник ведомства уделов, они всю ночь пили, ели, играли в карты, а иногда, приглашая местных красавиц «свободной жизни», устраивали маленькие оргии.

В полумраке кабинета, тесно уставленного мебелью из рога техасских быков, в глубоком кресле, сидел, окутав ноги пледом, горбун с лицом подростка; испуганно глядя на меня тёмными глазами, он молча выслушал просьбу дать мне денег взайём и молча протянул двадцать пять рублей. Мне было нужно в сорок раз больше. Я молча ушёл.

Дня три бегал по городу, отыскивая деньги, и, случайно встретив Зарубина, спросил: не поможет ли он мне?

– А ты проси у Бугрова, этот даст! Едем к нему, он на бирже в сей час!

Поехали. В шумной толпе купечества я тотчас увидел крупную фигуру Бугрова, он стоял, прислонясь спиной к стене, его теснила толпа возбуждённых людей и впереводку кричала что-то, а он изредка, спокойно и лениво говорил:

– Нет.

И слово это в его устах напоминало возглас «цыц!», которым укрощают лай надоевших собак.

– Вот – самый этот Горький, – сказал Зарубин, бесцеремонно растолкав купечество.

С лица, измятого старостью, на меня недоверчиво и скользко взглянули маленькие, усталые глазки, веко одного из них было парализовано и отвисло, обнажая белок, расписанный красными жилками, из угла глаза, от переносицы, непрерывно стекала слеза. Зрачки показались мне мутными, но вдруг в них вспыхнули зелёные искры, осветив на секунду это мордовское лицо умильной усмешкой. И, пожимая руку мою пухлой, но крепкой рукою, Бугров сказал:

– Честь городу нашему... Чайку попить не желаете ли со мною?

В «Биржевой» гостинице, где всё пред ним склонилось до земли и даже канарейки на окнах почтительно перестали петь, – Бугров крепко сел на стул, спросив официанта:

– Чайку, брат, дашь?

Зарубина остановил какой-то толстый, красноносый человек с солдатскими усами, старик кричал на него:

– Полиции – боишься, а совести – не боишься!

– Всё воюет языком неумным старец наш, – сказал Бугров, вздыхая, отёр слезу с лица синим платком и, проткнув меня острыми лучами глаз, спросил:

– Слышал я, что самоуком дошли вы до мастерства вашего, минуя школы и гимназии? Так. Городу нашему лестно. И будто бедность большую испытать пришлось? И в ночлежном доме моём жилали?

Я сказал, что, будучи мальчишкой, мне случалось по пятницам бывать у него на дворе, – в этот день он, в «поминок» по отце, давал нищим по два фунта пшеничного хлеба и по серебряному гривеннику.

– Это ничего не доказует, – сказал он, двигая серенькими волосами редких бровей. – За гривенником и не бедные люди приходили от жадности своей. А вот что в ночлежном жили вы, – это мне слишком удивительно. Потому что я привык думать: из этого дома, как из омута, никуда нет путей.

– Человек – вынослив.

– Очень правильно, но давайте прибавим: когда знает, чего хочет.

Говорил он солидно, как и подобало человеку его положения, слова подбирал осторожно, – должно быть, осторожность эта и делала его речь вычурной, тяжёлой. Зубы у него мелкие, плотно составлены в одну полоску жёлтой кости. Нижняя губа толста и выворочена, как у негра.

– Откуда же вы купечество знаете? – спросил он, а выслушав мой ответ, сказал:

– Не всё в книге вашей верно, многое же очень строго сказано, однако Маякин – примечательное лицо! Изволили знать такого? Я вокруг себя подобного не видал, а – чувствую: такой человек должен быть! Насквозь русский и душой и разумом. Политического ума...

И, широко улыбаясь, он прибавил весело:

– Очень поучительно подсказываете вы купцу, как ему жить и думать надобно, о-очень!

Подошёл Зарубин, сердито шлёпнулся на стул и спросил не то – меня, не то – Бугрова:

– Дал денег?

Вопрос его так смутил меня, что я едва не выругался и, должно быть, сильно покраснел. Заметив моё смущение, Бугров тотчас шутливо спросил:

– Кто – кому?

Я в кратких словах объяснил мою нужду, но Зарубин вмешался, говоря:

– Это он не для себя ищет денег, он живёт скудно...

– Для кого же, – можно узнать? – обратился ко мне Бугров.

Я был раздражён, выдумывать не хотелось, и я сказал правду, ожидая отказа.

Но миллионер, почёсывая скулу, смахивая пальцем слезу со щеки, внимательно выслушал меня, вынул бумажник и, считая деньги, спросил:

– А – хватит суммы этой? Путь – дальний, и всякие случаи неудобные возможны...

Поблагодарив его, я предложил дать расписку, – он любезно усмехнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.